

Вас. Брусянинъ.

Заразные люди.

Изданіе Н.Е. ПАРАМОНОВА

№ 408

2Р.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе . . . 15	Русская исторія ч. II 12
Вѣлюконскій—Самоупр. и земство . . . 5	Парь-голодь 10
Булгакова—Японія и японцы . . . 20	48-й годъ въ Германіи 10
Булгакова—Заря будущаго 25	Эконом. полож. еврейск. пролет. . . 4
А. Ф. Быкова—Англія и англич. . . 15	Мирбо—Дурные пастыри 10
Б. В.—Великая франц. революц. . . 15	Сватиковъ—Общ. движ. въ Рос. . . 60
Водоровъ—Всеоб. изб. пр. на Зап . . 5	Вересаевъ—Честнымъ путемъ . . . 7
Гауптманъ—Ткачи 12	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ . . . 4
Горбуновъ—Гарантіи личной своб. . . 10	Книга русскаго рабочаго 12
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр. . 7	Тунъ—Ист. револ. движ. въ Рос. . 50
Живаго—Освобожденіе Швейцаріи . . 6	Госуд. устр. въ запад-европ. стран. . 6
Звягинцевъ—Общ. движ. въ Росс. . . 15	Митинги въ Англіи 10
К. Каутскій—Ирландія 7	Страхованіе рабочихъ 15
К. Каутскій—Прот. клас. инт. 15	Парижская коммуна 1870—1871 гг. . 25
Каутскій—Развитіе формъ госуд. . . 7	Кеннанъ—Сибирь и каторга 15
Кизеветтеръ—Изъ ист. зак. въ Рос. . 15	Волкенштейнъ—Борьба за народн. . .
Кизеветтеръ—Рус. об. въ XVIII ст. . 15	предст. въ Англіи 15
Кизеветтеръ XIX вѣкъ въ ист. Рос. . 10	Революція въ Вѣнѣ 3
Кизевет.—Протопопъ Аввакумъ . . . 8	Каутскій—Аграр. воп. въ Россіи . . 3
Кизевет.—Кузнецъ—Гражданинъ . . 10	Рубакинъ Русская исторія ч. I . . . 15
Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды . . . 15	„ ч. II 15
Мзкогитиъ За зарѣ рус. общест. . . 15	«Впередъ» Сборникъ стихотвор. . . 20
Петрушевскій—Велик. хар. воли . . 15	Туровъ—Восьмич. раб. день 3
Пругав.—Прошл. и наст. Шлис. кр. . . 5	Кабановъ—Катехиз. англ. гражд. . . 6
Прокоповичъ—Длина рабоч. дня . . . 5	Бернштейнъ—Форм. хозяйст. жиз. . 12
Строевъ—Моск. гос. передъ реф. . . 10	Приказчиій вопросъ въ Россіи . . . 4
Семеновъ—Изъ ист. общ. теч. въ 40 г. . 15	Васильевъ—Что такое отечество . . 8
В. С. Трудъ и Капиталь 6	Мазовецкій—Процессъ пролетар. . . 6
Щерба—Истор. русск. школы 10	Мартовъ—Пролетарскій праздн. . . 4
Лассаль—Суци. конституціи 8	Жоресъ и Гедъ—Тактика с.-демок. . 5
Дарестъ—Бельгійск. конституція . . . 7	Толстой—Исповѣдь 15
Лассаль—Программа работниковъ . . 8	Сатуринъ—Ирландія 7
Э. Шатрианъ—Ист. одного крест. . . 20	Захаровъ—Партія правов. поряд. . .
Рожковъ—Ист. крѣп. права въ Рос. . 10	Ярошъ—Послѣдній король
Прокоповичъ—Аграрное движеніе . . 5	Пругавинъ—Тайны Шлиссельбур. . .
Милюковъ—Верховн. и Шляхет. . . 15	Иеллинекъ—Бюджетное право 6
Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в. . 10	Государственныя преступл. т. I . . 50
Государство будущаго	„ т. II 75
К. Каутскій—Соціальная реформа . . 25	Кабановъ—О налогахъ 2
Жилищный вопросъ 12	Князьковъ—Освобожд. крестьянъ . .
Зомбартъ—Соціал. въ XIX вѣкѣ . . 15	Каутскій—} Всеобщая стачка и
Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в. . . 20	Лафаргъ—} социализмъ
Гедъ—Безяктивизмъ 4	Жоресъ—}
Сторожевъ—Биографія Грановск. . . 10	Петровскій Избиратель. компан. . .
Марксъ—Гражданская война 10	въ свободн. государствахъ 4
Либкнехтъ—Отъ обороны къ напад. . 10	Эритъ—Револ. студенч. во Фр. . . . 3
Шиппель—Профес. рабоч. союзы . . . 10	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат.
Голубевъ—Роль земства 12	Вѣлюконскій—Отъ дер. до парл. . . 6
Щепкинъ—Зем. и город. Россія о . . .	Дитятинъ—Когда воз. розн. въ Рос. . 20
народ. предст. 10	Роль—Какъ происх. револ. на Зап. . .
Милюковъ—Исконныя начала 5	Петровъ—Прогрес. экон. партія
Дживелеговъ—Отвѣст. министр. . . 3	Организованный трудъ
Амичисъ—Студ. и соц. вопросъ . . . 5	Долой забастовщиковъ
Общественное движ. въ Японіи 6	Существуетъ ли барщина
Голубевъ—Крест. въ Госуд. Думѣ . . 3	Данъ—Рабочее движен. и с.-демокр. . .
Водов.—Пр. изб. зак. въ учр. собр. . 3	въ Россіи
Когда въ Росс. оконч. тѣл. наказ. . . 3	Смерть Импер. Павла I
Семевск.—Крѣп. право въ р. Щедр. . 12	Процессъ 16-ти 25
Русская исторія ч. I 10	Морововъ—Стихотворенія

Вас. Брусянинъ.

Заразные люди.

(О черкъ). •

Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

Типографія „Донская Рѣчь“ Ростовъ на Дону. 1906.

Варзные люди.

(О черкъ).

I.

Въ воротахъ громаднаго сѣраго дома на Коломенской стоялъ дворникъ и скучающими глазами смотрѣлъ вдоль улицы. Мимо него сновала толпа, тащились ломовики съ грузами на громадныхъ саняхъ, кое-гдѣ стояли легковые извозчики, поджидая сѣдоковъ, и тоже скучали.. На улицѣ было сыро; бѣлыми хлопьями падалъ съ сумрачнаго неба мокрый снѣгъ, дулъ вѣтеръ, холодный, пронизывающій...

— Ба-а! да неужто это ты, Федотычъ? — громко выкрикнулъ дворникъ.

Передъ нимъ стоялъ старикъ, въ короткомъ пальтишкѣ на узкихъ плечахъ, въ дранной шапкѣ на головѣ и съ большимъ, грязнымъ и вонючимъ мѣшкомъ черезъ плечо. Лицо старика, съ темной жиденькой бородкой, было блѣдно и невѣроятно исхудавшее, а глаза ввалившіеся и утомленные.

— Я... добраго здоровья,—тихо отвѣчалъ старикъ.

— А, вѣдь, слышно было, что ты ужъ очень хвораль?

— Маялся! страсть, какъ болѣлъ! Думалъ — и не встану, а вотъ...

Старикъ помялся на одномъ мѣстѣ и, медленно переступая, направился подъ арку воротъ. Дворникъ сердобольно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и подумалъ: «Всталъ... охъ, ты, Господи! Плохъ-то какъ! А вотъ, говорили люди, что онъ ужъ и того... умеръ...» И какъ будто что-то припомнивъ, дворникъ крикнулъ:

— Слышь, Федотычъ! Пстой-ка!

Старикъ остановился во дворѣ и повернулъ къ дворнику лицо.

— Тутъ, безъ тебя, другіе начали ходить... съ Охты они... Мальченка-то никакъ и посейчасъ въ ямѣ роется...

Выраженіе на лицѣ старика нѣсколько измѣнилось, но онъ не проронилъ ни слова, только нижняя губа его чуть замѣтно дрогнула.

— Намъ, конечно, добра-то этого не жалко, что тебѣ, что ему, или тамъ еще кому... Вишь-ты... слышали мы, что ты ужъ боленъ очень,—какъ будто оправдывался въ чемъ-то дворникъ.

Старикъ какъ-то неопредѣленно махнулъ рукою и пошелъ по ранѣе намѣченному пути.

Шагая подъ темной аркой, дворникъ думалъ теперь о томъ, какъ неловко вышло со старикомъ. Лѣтъ десять только онъ одинъ изъ тряпичниковъ заходилъ въ ихъ дворъ и рылся въ ямахъ; въ его же завѣдываніи былъ и громадный деревянный ящикъ подъ навѣсомъ задняго двора, куда сбрасывались бумажки, тряпки, коробочки, жестянки изъ-подъ консервовъ и прочая рухлядь. Дворники любили Федотыча за два качества; во-первыхъ, старикъ не гнушался ничѣмъ, что ненужное валялось на дворѣ, въ ящикѣ или въ выгребной ямѣ, и во-вторыхъ, — Федотычъ былъ честенъ, и никто изъ жильцовъ никогда на него не жаловался.

Федотычъ, между тѣмъ, прошелъ на задній дворъ, привычно опустивъ на грудь голову и ошаривая глазами мостовую и углы двора. Въ завѣтномъ ящикѣ онъ нашелъ нѣсколько бумажекъ, коробку изъ-подъ какой-то красно-

ватой жидкости и громадную картонку безъ дна. Старику припомнились слова дворника о какомъ то челоѣкѣ съ Охты, и онъ съ грустью посмотрѣлъ въ отверстіе бездонной картонки и швырнулъ ее въ ящикъ. Обогнувъ дровяные сараи, онъ очутился у выгребныхъ ямъ, расположенныхъ въ досчатыхъ четырехугольникахъ подъ одной кровлей съ дровяными сараями. Домъ, во дворѣ котораго промышлялъ Федотычъ, былъ переполненъ жильцами и старика страшно огорчало, что, несмотря на такое продолжительное отсутствіе, такъ мало пришлось пожитья; ему опять пришелъ на память челоѣкъ съ Охты, и снова стало досадно и на этого неизвѣстнаго челоѣка, и на дворниковъ, которые допустили во дворъ, вмѣсто него, какихъ-то еще тряпичниковъ. Въ глазахъ его сверкала даже злоба, когда онъ увидѣлъ паренька на кучѣ мусора въ одной изъ выгребныхъ ямъ. Паренекъ этотъ, безусый, черноволосый, съ грязными руками и съ забрызганнымъ лицомъ, собиралъ въ чумазый передникъ какіе-то отбросы, выкапывая ихъ палкой изъ нѣдръ сырой и вонючей ямы. Глаза промышленниковъ встрѣтились. Паренекъ какъ-то удивленно посмотрѣлъ на старика и, не проронивъ ни слова, углубился въ прежнее занятіе; Федотычъ сердито осмотрѣлъ его широкое лицо съ узкими глазами и, покосившись на мѣшокъ, до половины наполненный какимъ-то добромъ и стоявшій на мостовой возлѣ ямы, съ неудовольствіемъ проворчалъ:

— Будетъ ужъ рыться-то, кротъ... вишь, вонъ сколько набралъ, пара и домой.

Паренекъ не обратилъ вниманія на ворчаніе старика и даже повернулся къ нему спиною. Федотычъ забрался въ сосѣднее помѣщеніе ямы, разложилъ свой мѣшокъ и принялся за дѣло. Въ душѣ его закипѣла злоба по адресу сосѣда и онъ съ трудомъ сдерживалъ ее.

— Залѣзь, какъ волкъ въ овчарню!—ворчалъ Федотычъ, слыша шорохъ въ сосѣдномъ отдѣленіи: — нѣтъ бы въ другое мѣсто пойти...

— Мѣсто-то тутъ все одно, что мое, что твое, — не вытерпѣлъ и сосѣдъ, проворчавъ за грязной перегородкой.

— Я здѣся десять лѣтъ промышляю, а ты что... щенокъ!

— Дворникъ Акимъ Петровичъ мнѣ позволилъ, и нѣтъ тутъ никакого твоего дѣла.

— Акимъ Петровичъ! Акимъ Петровичъ може и дозволялъ, пока болѣсть меня не отпущала,—отвѣчалъ Федотычъ, разсматривая бутылку изъ-подъ квасу, на боку которой чуть замѣтно змѣилась трещинка.

— Акимъ-то Петровичъ сказалъ, что старикъ-то, молъ, умеръ, вотъ мы съ дяденькой тутъ и опредѣлились, — доказывалъ свое право паренекъ.

— «Умеръ, умеръ»... Не спросилъ васъ-то вотъ Господь Богъ! Плохо сдѣлалъ... Тебѣ бы вотъ съ дяденькой-то поколѣть, чѣмъ этакъ-то чужой хлѣбъ заѣдать...

Паренекъ уже не слушалъ ворчанія Федотыча. Высыпавъ въ мѣшокъ послѣднюю добычу, взвалилъ онъ грязную ношу на плечи и, съ насмѣшкой въ глазахъ, посмотрѣвъ на старика, произнесъ:

— Счастливо оставаться... покойничекъ!..

Старикъ сердито посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся конкуренту и долго потомъ что-то ворчалъ себѣ подъ носъ.

Наступили сумерки. Во дворѣ потемнѣло. Еще гуще закружились въ воздухѣ мокрая снѣжинки, и такъ скучно и непривѣтливо стало среди темныхъ и грязныхъ стѣнъ. До поздняго вечера рылся Федотычъ въ мусорѣ выгребныхъ ямъ, и въ душѣ его таилась злоба на «проклятую болѣсть», нарушившую весь укладъ его прежней жизни.

II.

Солнце никогда не заглядывало въ квартиру Федотыча, состоявшую изъ двухъ крошечныхъ конурокъ: два квадратныхъ оконца ея были почти въ уровень съ мосто-

вой узкаго переулка, по другую сторону котораго высились трехэтажное зданіе табачной фабрики. Днем, когда темныя занавѣски оконъ были раздвинуты, можно было видѣть ноги пѣшеходовъ, снующихъ по переулку, ночью за темными стеклами слышалось шуршанье и топотъ этихъ ногъ, а когда шелъ дождь—слышался шумъ дождевыхъ потоковъ, вырывавшихся изъ отверстій водосточныхъ трубъ. Сыро, темно и непривѣтливо было въ этомъ подвалѣ и день, и ночь. Сводчатый кирпичный потолокъ, казалось, грозилъ каждую минуту сдвинуться или осѣсть и придавить въ жильѣ Федотыча и его дѣтей, деревянный полъ мѣстами прогнилъ, печь и перегородки потемнѣли, стѣны всегда отдавали какой то сыростью и холодомъ, а въ дверь, когда она растворялась, вползали вонючими волнами запахъ отъ навоза, никогда не просыхавшаго около деревянныхъ колодъ, гдѣ извозчики, во время отдыха, кормили своихъ заморенныхъ клячъ. Но Федотычъ и его многочисленная семья,—Аннушка, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и десятилѣтній сынъ Федя,—проживая въ этомъ вертепѣ нѣсколько лѣтъ, совсѣмъ не замѣчалъ этихъ неудобствъ, да и профессія ихъ такова, что всю жизнь имъ приходится возиться съ ветхимъ и грязнымъ тряпьемъ, бумажками, бутылками, жестянками и прочимъ отбросомъ, чѣмъ всегда такъ богата многолюдная столица.

Когда-то тряпичницей была и Анна Федоровна, жена Федотыча. Кромѣ этого хлопотунья-женщина работала еще на фабрикѣ въ сортировочной, гдѣ разбиралось добро, собранное по столицѣ такими же, какъ и Федотычъ, неумоимыми подземными кротами. Года три тому назадъ, разбирая на фабрикѣ тряпье, Анна Федоровна заразилась какой-то болѣзнью и умерла, проболѣвъ всего дня три. Такой короткій срокъ болѣзни жены поселилъ въ Федотычѣ непоборимый скептицизмъ и, глядя на бездыханный трупъ, лежавшій въ переднемъ углу на столѣ, онъ увѣрялъ всѣхъ и самого себя, что жена его жива. — Она такъ только, обмерла... надышалась худого духа, — гово-

рилъ онъ роднымъ и знакомымъ, дворнику и околоточному съ какимъ-то господиномъ, которые неизвѣстно чего пожаловали въ его логовище. Господинъ въ штатскомъ, оказавшійся докторомъ, увѣрялъ старика, что жена его умерла дѣйствительно, и называлъ даже болѣзнь, подкосившую сорокасемилѣтнюю женщину. Только уже послѣ того, какъ схоронили Анну Федоровну, Федотычъ повѣрилъ, что она умерла, за то усталую голову старика заполонила другая мысль: ему все хотѣлось припомнить названіе болѣзни, отъ которой умерла его жена. Спрашивалъ онъ объ этомъ у дѣтей, не помнятъ ли они, что сказалъ докторъ, но въ ихъ памяти осталось только, какъ ихъ мать лежала въ переднемъ углу и какъ горько плакали они, когда узнали отъ доктора о ея смерти; раньше, загипнотизированные вѣрой отца, они такъ-же, какъ онъ, твердо вѣрили, что мать только надышалась дурного духа.

Долго не могъ успокоиться Федотычъ, вспоминая покойную Анну Федоровну, но мало-по-малу повседневныя сцены жизни стерли воспоминанія прошлаго. А жизнь съ каждымъ годомъ измѣнялась въ сторону, худшую для бѣдняка: дрова, квартира и провизія дорожали, а работа дешевѣла. Открылись цѣлыя артели тряпичниковъ, съ которыми охотнѣе имѣли дѣло фабричныя конторы, а разрозненнымъ одиночкамъ съ каждымъ годомъ становилось хуже и хуже. Развернуло еще тутъ свою дѣятельность челоуѣколюбивое общество, не брезгающее отбросами, и во многихъ дворахъ, гдѣ раньше промыслялъ Федотычъ, стояли теперь казенные ящики; уцѣлѣли только отдѣльные дома, которыхъ не коснулось новшество, но и ихъ съ каждымъ годомъ становилось меньше...

Хорошо еще, что подросла Таня и, зарабатывая шитьемъ, стала помогать отцу. Сына Федю пришлось взять изъ школы, набросить на его плечики холщевый мѣшокъ и направить по тому же пути, по которому шелъ и самъ Федотычъ. Много лѣтъ тому назадъ, давно,

въ наслѣдство отъ отца получилъ Федотычъ тяжелое ремесло, это же ремесло завѣщаль онъ и своему сыну.

Федотычъ завернулъ за уголъ и очутился въ «своемъ» переулкѣ. Едва дыша, шелъ онъ длинными и темными улицами и переулками загороднаго квартала. Почти что пустой мѣшокъ за спиною все же сгибалъ его, еще слабыя послѣ болѣзни, ноги, въ груди спиралось дыханіе, въ горлѣ клокотало что-то липкое, хотѣлось пить, въ глазахъ порой носились зеленые круги; они какъ-то быстро вертѣлись и собирались въ одну точку, когда старикъ останавливалъ свой утомленный взоръ на бликахъ газовыхъ рожковъ, тускло горѣвшихъ въ туманномъ и сыромъ воздухѣ.

Дома Федотычъ засталъ только Таню; Феденька еще не возвращался съ промысла. Дѣвушка сидѣла у окна, склоняся надъ старинной неуклюжей швейной машиной. Лампочка озаряла ея блѣдное, худощавое лицо и восковыя руки. Въ комнатѣ раздавался непрерывный трескъ челнока, и дѣвушка не слышала, какъ отворилась и потомъ хлопнулась о косякъ дверь. Увидя отца, Таня вздрогнула и спустила съ педали ноги; въ комнатѣ стало тихо.

— Испить-бы, Танюша, смерть моя!—подавленнымъ голосомъ проговорилъ Федотычъ и опустился на лавку, медленнымъ движеніемъ руки стаскивая съ головы шапку.

— Говорила—не ходи! вотъ опять свалишься, — ворчала дочь, поднося отцу въ ковшѣ воду.

Старикъ жадно сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, остановился на секунду, переводя духъ, и, окончательно опорожнивъ ковшъ, тихо проговорилъ:

— «Не ходи»... Вотъ... не ходиль, а тамъ... на Коломенской, щенокъ какой-то все и забралъ... Да-а... вонъ, погляди-ка, сколько набралъ... Я думалъ—вотъ, приду, послѣ трехъ-то недѣль и ни вѣсть что найду тамъ... А-нѣ, посмотри, сколько...

Съ блуждающимъ взоромъ ввалившихся глазъ Федотычъ указывалъ дочери на мѣшокъ, который незамѣтно

для старика сползъ съ его спины, какъ только онъ переступилъ порогъ.

— Похоронили они меня, вишь ты... похоронили... Дворникъ-то испугался, видить, что я пришелъ... Другого на мое мѣсто опредѣлили, щенка съ Охты... а меня-то похоронили, и щенокъ то этотъ говоритъ: «Ты, говоритъ, умерь»... умерь... Старикъ безпомощно опустилъ голову и замолкъ. Руки и ноги Таня тряслись, испуганные глаза ея, остановившись на мертвенно-блѣдномъ лицѣ отца, расширились, тая какое то странное выраженіе.

— Лягъ, тятенька, на постель!.. лягъ... Вотъ, говорила я: не ходи, полежи да полѣчись... вотъ и вышло...

— «Не ходи!.. полежи...», а тамъ-то — щенокъ съ Охты...

Старикъ хотѣлъ еще что-то сказать, но вдругъ, схватившись за грудь, захрипѣлъ. Таня поднесла къ его губамъ ковшъ и онъ съ прежней жадностью сталъ глотать сырую воду. Скоро дѣвушка уложила отца въ постель, прикрыла одѣяломъ и вернулась къ смолкнувшей машинкѣ. Въ комнатѣ опять затрещалъ челнокъ, и Таня не слышала, какъ тяжело хрипѣлъ и глубоко дышалъ ея больной отецъ.

Чась спустя вернулся Федя съ ношей тряпья, бумажекъ, скляннокъ и коробочекъ. Разложивъ на полу содержимое мѣшка, онъ сортировалъ свое богатство и, видимо, былъ доволенъ добычей. Порывшись въ мѣшкѣ отца, мальчикъ отшвырнулъ его въ сторону и проговорилъ:

— Вѣрно, опять хуже ему?

Таня не разслышала замѣчанія брата.

Видя тяжело дышавшаго Федотыча, дѣти рѣшили не тревожить его, и поужинали вдвоемъ. Когда Федя, примостившись на лавкѣ возлѣ отца, заснулъ, въ полутемномъ подвалѣ еще долго трещалъ неугомонный челнокъ швейной машины.

III.

Утромъ, на другой день, Таня проснулась рано и вся дрожала. По утрамъ обыкновенно въ ихъ квартирѣ было холодно: истопленная наканунѣ печь за ночь остывала, отъ потолка, стѣнъ и пола отдавало какой-то промозглой сыростью. Раздвинувъ на окнахъ занавѣски, Таня умылась, поставила самоваръ и принялась поить брата чаемъ. Федотычъ все еще лежалъ въ постели, но, видимо, не спалъ. Онъ часто ворочался съ боку на бокъ, глубоко вздыхалъ, иногда поднималъ руку съ желаніемъ ухватиться за что-то, но рука беспомощно опускалась. Старикъ глухо ворчалъ, словно сердясь на свое безсиліе. Братъ и сестра смотрѣли на отца съ какимъ-то испугомъ въ глазахъ и все время говорили шепотомъ. Не разъ дѣвушка подходила къ постели больного, заглядывала въ его лицо съ полуоткрытыми глазами и отходила прочь. Разъ она даже окликнула отца, но не получила отвѣта. Скоро Федя ушелъ на промыселъ, а Таня осталась съ больнымъ отцомъ. Усѣвшись къ окну за машинкой, она продолжала работать, по временамъ останавливалась, бросала косою взглядъ въ сторону отца и опять шила.

Около полудня, когда возвратившійся мальчуганъ и Таня обѣдали, къ нимъ пришла сосѣдка, старушка Анфиса Ивановна. Это было крошечное дрябленькое существо съ морщинистымъ лицомъ, желтымъ и худымъ, и слезящимися узенькими глазками. Какъ мать родная, относилась она къ сироткамъ Федѣ и Танѣ. Она была свидѣтельницей смерти ихъ матери, съ которой была дружна, и, схоронивши подругу, перенесла всю свою любовь на ея дѣтей. Старушка почти каждый день заходила въ сосѣдній подвалъ, подолгу бесѣдуя съ Федотычемъ и Таней, выручала семью тряпичниковъ рублевкой—другой, когда дѣла ихъ складывались неважно, никогда не отказывала въ мелочахъ по хозяйству, которыми часто обмѣниваются ближайшіе по квартирамъ сосѣди. Во время болѣзни Федотыча она собственноручно

ставила банки старику и прикладывала къ шеѣ горчичники, когда больной жаловался на страшную головную боль.

Войдя въ комнату, Анфиса Ивановна помолилась и, увидя на постели Федотыча, прошептала:

— Что, спать? Вѣрно, опять? Не надо бы ходить-то...

Старушка тихонько подошла къ постели и заглянула въ лицо Федотыча, который лежалъ, отвернувшись къ стѣнѣ.

— Плохъ онъ...плохъ! въ больницу бы его...

Замѣчаніе старухи не произвело никакого впечатлѣнія ни на Таню ни на мальчугана. Всякій разъ, когда отецъ валялся больнымъ въ постели, они терялись отъ сознанія собственной безпомощности, а потомъ какъ-то скоро свыкались съ положеніемъ и становились равнодушными. Только порой въ глазахъ дѣвушки отражался испугъ, и сама она притихала.

— Пойти съ Кирилломъ Иванычемъ поговорить, — проговорила старуха и вышла.

Толстяка-управляющаго домомъ она нашла во дворѣ: онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ дворники складывали въ сарай только что привезенныя дрова. Сама не зная, для чего, она рассказала толстяку о болѣзни тряпичника. Тотъ равнодушно выслушалъ старуху, нахмурилъ почему-то брови и, не проронивъ ни слова, пожалъ плечами.

Часа въ четыре Таня была страшно перепугана отцомъ. Сидѣла она около окна и обметывала петли только что сшитой кофточки. Наступали раннія декабрьскія сумерки, и въ комнатѣ становилось темно. Федотычъ вдругъ какъ-то сорвался съ постели, сѣлъ на матрацъ, спустивъ ноги, и хрипло спросилъ:

— Таня!.. голубушка!.. похоронили они меня... похоронили...

Таня поднялась съ мѣста и съ испугомъ въ глазахъ придвинулась къ больному.

— Похоронили они .. и дворникъ и тотъ щенокъ-то съ Охты... Похоронили...

Старикъ дико ворочалъ глазами и судорожнымъ движеніемъ пальцевъ мялъ конецъ одѣяла. Таня поднесла къ губамъ больного ковшъ съ водою, со страхомъ заглядывая въ широко-раскрытые, воспаленные глаза отца. Онъ продолжалъ говорить что-то, но ни одного слова уже нельзя было разобрать: голосъ его становился глухимъ и хриплымъ.

— Тятенька, лягь!.. лягь!..—проговорила дѣвушка и быстро выбѣжала за дверь. Скоро она вернулась въ сопровожденіи Анфисы Ивановны.

— Танюшка... касатка... вѣрно, скоро!—шептала старушка, прижимаясь къ дѣвущкѣ и смотря на Федотыча,—Иванъ Кириллычъ говоритъ, непременно въ больницу надо потому—изъ участка приказывали: болѣзнь какая-то по городу ходитъ. Я, дура, пошла къ нему, подождать-бы... Куда ему въ больницу: человѣкъ душеньку праведную Богу отдаетъ... Попа бы позвать...

Старушка убѣжала, бормоча про себя о попѣ и о душенькѣ больного, которой надо отпустить грѣхи вольные и невольные. Имя Бога не сходило съ устъ перепугавшейся старушки, пока она бѣжала по двору до квартиры Кирилла Ивановича.

Судьба, однако, рѣшила иначе. Не прошло и часу какъ въ подвалѣ появились околоточный, Кириллъ Ивановичъ и докторъ. Послѣдній подошелъ къ больному, при свѣтѣ лампочки осмотрѣлъ его и, отступивъ шага два назадъ, сообщилъ околоточному, что зараженнаго дифтеритомъ надо сію же минуту отправить въ больницу, подвалъ продезинфицировать и живущихъ въ немъ изолировать.

— Вонъ, полюбуйте, какая у нихъ мерзость лежитъ! — съ презрительной миной проговорилъ докторъ, указывая на кучу тряпья, разсортированнаго Федей еще наканунѣ.

— Да, да... тряпичники они... я говорилъ... я думалъ...—сбивчиво говорилъ Кирилль Ивановичъ, боясь, что эта неприятность отзовется и на немъ.

— Плохо смотрите за квартирами,—сухо промолвилъ докторъ и направился къ выходу.

Черезъ часъ Федотыча увезли въ больницу, а весь подвалъ перерыли и продезинфецировали все небогатое имущество тряпичниковъ и собранный ими хламъ. Около точный, все время наблюдавший за процессомъ дезинфекци, ворчалъ на Таню за беспорядокъ и нечистоту.

Прижавшись къ стѣнѣ, дѣвушка молча выслушала выговоръ околоточнаго и недоумѣвала — почему онъ такъ сердится, зачѣмъ онъ ворвался въ квартиру и распоряжается ихъ имуществомъ. Разсмотрѣвъ бритое, немного одутловатое лицо полицейскаго, съ брезгливой складкой на губахъ и съ холоднымъ выраженіемъ въ глазахъ, она почувствовала страхъ къ этому человѣку, и чѣмъ больше вдушалъ онъ ей боязнь, тѣмъ труднѣе ей было отвѣчать на его вопросы. Онъ разспрашивалъ Таню, чѣмъ занимается она, сколько зарабатываетъ шитьемъ, и что будетъ дѣлать, когда умретъ отецъ. Послѣдній вопросъ особенно смутилъ дѣвушку.

— А въ горничныхъ ты не служила?—спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Нѣтъ,—тихо отвѣтила дѣвушка.

— А въ нянькахъ?

Таня отрицательно покачала головою и отвернулась. Околоточный окинулъ ее какимъ-то страннымъ взглядомъ, словно измѣряя ея фигуру, и также отвернулся и принялся командовать какими-то мужиками въ блузахъ и передникахъ.

Вечеромъ того же дня слегъ въ постель и Федя, но его скоро отправили въ больницу вслѣдъ за отцомъ.

Оставшись одна, Таня съ ужасомъ въ глазахъ осмотрѣлась по сторонамъ, при видѣ разгрома въ квартирѣ, ее обдало холодомъ. Быстро потушила она лампочку, ощупью

въ потемкахъ добралась до двери, заперла квартиру на замокъ и ушла къ Анфисѣ Ивановнѣ.

Дня черезъ два подвалъ, гдѣ больше десяти лѣтъ прожилъ Федотычъ съ семьей, окончательно опустѣлъ. Дверь, въ темное, смрадное, пропитанное заразою помѣщеніе, была забита по распоряженію полиціи. Больше уже не свѣтился огонекъ въ двухъ узкихъ оконцахъ, лежавшихъ почти у самой мостовой, а по ночамъ мрачный и страшный призракъ смерти бродилъ въ заброшенномъ жильѣ, пугая черезъ темныя окна прохожихъ узкаго и глухого переулка.

